

Безусловно, Дон Кихоты нужны обществу – безумцы, которые движут мир вперед; эдакие сумасшедшие романтики, которые выбивают из ритма жизни-в-рамках, жизни по законам разума и обдуманых последствий; это люди, которые живут жгучей верой в идеал и стремятся к нему, несмотря на то, что жизнь бьет и не жалуется им. Без них не были бы возможны открытия и победы, жизнь была бы однолинейной и скучной, не было бы чудес или, как минимум, веры в чудо. А ведь именно это, несмотря на гамлетовское разумное безверие, присущее каждому мыслящему человеку, заставляет нас жить, любить, а, главное, надеяться и верить.

Подводя итог, хочется отметить, что при всей критике романа и образа, созданного Сервантесом, сам Набоков – писатель и человек – сочетал в себе черты Гамлета и Дон-Кихота. По жизни писатель Набоков – рафинированный эстет, практик, далекий от идеализации жизни, в то же время до старости по-детски с сачком преследовавший бабочек. Бабочка для Набокова – символ веры в чудо, которое свершается, когда кажется, что «до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь – горестная до ужаса, унижительно бесцельная, бесплодная, лишенная чудес...» [3, с. 189]. В это чудесное преобразование жизни верил Набоков, повторяя путь Дон Кихота в поисках чудесных проявлений обыденной жизни. Да и сам образ Набокова, выбранный для обложки «Лекций...», и есть образ Дон Кихота – немолодого человека с тревожно-безумным лицом и сачком в руках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Набоков, В. На чужих берегах. В поисках потерянного рая / В. Набоков. – М. : Алгоритм, 2017. – 432 с.
2. Набоков, В. Лекции о «Дон Кихоте» / В. Набоков. – СПб. : Азбука, 2002. – 320 с.
3. Набоков, В. Полное собрание рассказов / В. Набоков. – СПб. : Азбука, 2014. – 752 с.

С. Н. ДЯГЕЛЬ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»: МЕЖДУ ЯЗЫЧЕСТВОМ И ХРИСТИАНСТВОМ

«Песнь о Нибелунгах» относится к самым знаменитым эпическим поэмам мира. Невозможно переоценить ее влияние на немецкую культуру: этот национальный эпос немецкого народа стал неисчерпаемым источником сюжетов для литературы, музыки, живописи.

Наиболее ранние из сохранившихся рукописей «Песни о Нибелунгах» относятся к самому началу XIII в. Историческое ядро эпоса составляют ги-

бель бургундского королевства в 437 г. и смерть короля гуннов Аттилы в 453 г. Сюжеты и образы этого произведения восходят к песням «Старшей Эдды». Именно в древнеисландской поэзии появляются ключевые персонажи «Песни...»: Зигфрид (исл. Сигурд), Кримхильда (исл. Гудрун), Брюнхильда (исл. Брюнхильд), Гюнтер (исл. Гуннар) и др. Однако интерпретация одних и тех же персонажей и сюжетов в исландских песнях и немецком эпосе отличается. Это объясняется иными культурно-историческими условиями возникновения «Песни о Нибелунгах». Являясь эпосом зрелого средневековья, это произведение отражает мировосприятие людей в эпоху сформировавшегося феодального общества. Преданность роду уступает место преданности вассалу, родине, церкви. Соответственно темы вассальной верности и измены выходят на первый план в эпосе. Героические характеры по-прежнему находятся в центре внимания автора, вместе с тем на них оказывает влияние рыцарский роман, переживающий в это время эпоху расцвета. Сюжетный ряд поэмы разворачивается в мире рыцарских поединков, пиров и сражений. Большое место занимает изображение рыцарского церемониала, боевого снаряжения, пышных одежд. Важное место в произведении начинает занимать христианское мировосприятие.

При дворе бургундских королей появляется прославленный своими подвигами герой Зигфрид Нидерландский. Он влюбляется в их сестру Кримхильду, и, чтобы вступить с ней в брак, должен помочь королю Гунтеру жениться на исландской королеве Брюнхильде. Его помощь сопряжена с обманом, который позже вскрывается, приведя к трагедии. Женщины занимают важное место в «Песни о Нибелунгах»: Кримхильда и Брюнхильда являются ключевыми персонажами поэмы, именно их противостояние и соперничество запускает цепь трагических событий.

Особенно важен образ Кримхильды: она объединяет две сюжетно и эмоционально различные части «Песни о Нибелунгах». Поэма начинается вещим сном юной королевны и заканчивается ее смертью. В первой части, представляющей собой историю первого замужества Кримхильды, она предстает в образе типичной героини куртуазного рыцарского романа. Автор описывает красавицу-королевну, сестру короля, прослышав о красоте которой, к ней сватается герой Зигфрид. Ее портретные характеристики даны крайне скупо и соответствуют некому обобщенному канону восприятия прекрасной дамы, свойственному рыцарскому роману: *Как луч зари багряной из мрачных облаков // Предстала королевна...; Камнем драгоценным наряд ее сверкал, // А лик, как роза утром, был нежен, свеж и ал...; ...Светлей и чище золота была она лицом* [1, с. 50]. Стереотипные сравнения, которыми пользуется автор, не дают никакого представления о ее индивидуальном облике. Так же размыто описан и ее характер: Кримхильда *«... наделена высокою и чистою душой»* [1, с. 15]. Лирические пережива-

ния Кримхильды (в самом начале произведения она видит вещий сон, предвещающий беды) оттеняют событийный ряд поэмы: в красочном мире свадеб и рыцарских турниров она предчувствует кровавые события. Неслучайно именно в ее уста автор вкладывает проходящую лейтмотивом через всю поэму мысль о том, что «...платится страданьем за счастье человек» [1, с. 17], представляющая собой средневековый парафраз античной идеи трагической судьбы.

К концу первой части поэмы образ Кримхильды меняется: перед нами безутешная вдова, оплакивающая коварно убитого мужа. Однако наиболее разительно образ Кримхильды меняется во второй части поэмы. Кроткая сестра, любящая жена и скорбящая вдова превращается в жестокую мстительницу, губящую бургундов. Она проявляет хитроумие, негибаемость и силу духа, на многие годы вперед рассчитывает свои действия, чтобы отомстить за мужа. При этом ее не останавливают ни гибель сотен людей, включая родного сына, ни собственная смерть. Она одержима идеей отмщения, месть заслоняет для нее все другие чувства. Вместо героини куртуазного романа в поэме появляется героиня-мстительница, которая следует древнейшим архаическим представлениям о мести. При этом в отличие от Гудрун скандинавских песен, которая мстит за своих родичей, Кримхильда осуществляет кровавую месть своим родичам за убийство мужа. Происходит изменение ценностной парадигмы: в древнегерманской поэзии род был важнее мужа и детей.

Однако данная поэма была написана во времена, когда христианство стало доминирующей идеологией (по некоторым гипотезам автор «Песни...» был духовным лицом), поэтому одобрения автора подобные метаморфозы Кримхильды не получают. Во второй части ее называют «дьяволицей» и «ведьмой», автор считает, что идею истребить своих родных братьев ей внушил дьявол: *Вновь пробудил сам дьявол ... // в ней прежнюю обиду ...* [1, с. 192]. Это соответствует христианскому мировосприятию средневекового человека, который считал, что на преступления толкает завладевающая кем-то нечистая сила. Поэтому в конце «Песни...» Кримхильду жестоко убивает один из рыцарей: убийство женщины противоречит рыцарскому кодексу чести, однако не тогда, когда она превратилась в «дьяволицу».

Королева-воительница Брюнхильда описана в «Песни...» гораздо менее подробно. О ее происхождении ничего неизвестно. Сообщается лишь, что она невероятно сильна физически, а также имеет крутой нрав. Такие скудные характеристики связаны с тем, что Брюнхильда – персонаж не эпоса, а сказки. Ее появление в поэме представляет собой широко распространенный сказочный сюжет о сватовстве к богатырше, завоевание которой требует огромной силы и сноровки. И хотя предпринимались попытки назвать историче-

ский прототип этого персонажа (например, жену франкского короля Сигиберта Брунигильду, жившую в VI веке и устроившую кровавую резню), Брюнхильда из «Песни...» принадлежит иному, фантастическому миру. В поэме она представительница архаического сознания, пришедшего из языческой древности, когда оскорбленная честь становится поводом для кровавой мести. При этом ее представления о чести соответствуют уже средневековому сословному канону. Так, считая Зигфрида вассалом своего мужа Гунтера, каковым он на самом деле не является, она считает брак Кримхильды с ним мезальянсом, который задевает и ее честь: *Увидев, как золовка близ Зигфрида сидит, // Надменная Брюнхильда почувствовала стыд...* [1, с. 93].

Социальный престиж выходит на первый план в роковой ссоре двух королев о том, чей муж благороднее. Кримхильда утверждает, что «...*Зигфрид с Гунтером твоим величием равны*» [1, с. 119]. Брюнхильда же считает, что Зигфрид должен служить Гунтеру как его вассал, его отказ вызывает ее гнев. Ссора продолжается на людной площади перед собором, когда две королевы спорят, кто должен первой войти в храм, и заканчивается взаимным обменом оскорблениями.

Кримхильда в гневе рассказывает Брюнхильде, кто на самом деле ее победил во время сватовства, нанеся ей тем самым публичное оскорбление: *Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней // Вошла в собор Кримхильда со свитою своею* [1, с. 122]. Сословно-феодалная подоплека ссоры накладывается на содержащиеся в поэме намеки на более раннее знакомство Брюнхильды с Зигфридом. Песнь не разъясняет характер их взаимоотношений, однако средневековый читатель скорее всего был знаком со скандинавскими сказаниями, например, с «Сагой о Вельсунгах», в которой рассказывается об их знакомстве и взаимной любви, о которой Зигфрид забыл, выпив напиток забвения. Таким образом, автор может намекать, что месть Брюнхильды Зигфриду могла быть результатом обманутой любви. Сыграв решающую роль в убийстве Зигфрида, Брюнхильда уходит на второй план. Во второй части поэмы, в отличие от Кримхильды, она только упоминается, не оказывая более влияния на ход событий.

В эпоху Высокого Средневековья христианизация германских народов практически завершилась. Однако при создании произведений литературы авторы по-прежнему обращались к языческому наследию, заимствуя из него сюжеты и образы, которые при этом адаптировались и интерпретировались с позиций другого менталитета. Хотя «Песнь о Нибелунгах» написана в XIII в., в ней сохраняется много реликтов архаического мышления, в частности необходимость осуществления долга кровной мести. Поэтому образы обеих героинь эпоса подчинены развитию этого мотива. Брюнхильда и Кримхильда (во второй части поэмы) являются женским воплощением архетипа героя-мстителя [2]. При этом архаическая рецепция образов совме-

щается с дополнительными коннотациями, возникшими в результате переноса этих образов в христианскую культуру. В отличие от эддической поэзии, обе героини являются обычными женщинами, лишенными каких-либо магических способностей. В их образах проявляются черты «прекрасной дамы» рыцарского романа, нежной и кроткой девы, полностью зависящей от мужчин, их действиям дается оценка с позиций христианства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Песнь о нибелунгах: Эпос / Пер. со средневерхненем. Ю. Корнеева. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 384 с.
2. Бучилина, Ю. Н. Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции / Ю. Н. Бучилина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского . – 2008. – № 5. – С. 299–303.

О. Ф. ЖИЛЕВИЧ

Беларусь, Пинск, Полесский государственный университет

«ПАРАЗИТЫ СОЗНАНИЯ» КОЛИНА УИЛСОНА КАК ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Поликультурное пространство XX века, в котором философия от мировоззренческих постулатов постепенно приобретала культурологические свойства, способствовало актуальности философско-аллегорического романа. Главными философскими тенденциями в его развитии следует считать теорию об основных типах мыслительной деятельности, присущей человеку, который в своей творческой деятельности может сочетать научный и ненаучный дискурсы. Ф. Ницше пророчествовал: «<...> высшая культура должна дать человеку двойной мозг, <...>: во-первых, чтобы воспринимать науку, а во-вторых, чтобы никак не воспринимать науку <...>. В одной сфере лежит источник силы, в другой – ее регулятор. С помощью науки познания необходимо предупреждать глупые и опасные последствия чрезмерного нагрева» [1, с. 183].

Самые известные писатели мировой литературы двадцатого века использовали жанр философско-аллегорического романа для решения художественно-эстетических задач. Среди них: Дж. Гарднер, П. Уоррен, У. Стайрон, И. Кальвино, У. Голдинг, А. Мердок, К. Исигуро, М. Эмис, И. Макьюэн, Дж. Барнс, К. Уилсон, Р. Мерль, Веркор, Ж.-М. Г. Леклезю, М. Турнье, С. Жермен.

Колин Уилсон (*Colin Wilson, 1931–2013*) – английский писатель и философ, публицист. Он является автором более чем 80 трудов социально-гуманитарной направленности. Многие художественные произведения пи-